

просы (не прямого, а опосредованного характера), чтобы люди могли более уверенно смотреть в будущее. Ответы на главные смысложизненные философские вопросы должны не только отражать потребности общества и государства, но и характеризоваться независимостью положений и их научной обоснованностью. Во-вторых, проблему смысла жизни не должны обходить стороной в учебных заведениях, на рабочих местах и т.п. Иными словами, на всех этапах личностной социализации необходимо проводить с индивидом разъяснительную работу, предлагая концептуально обоснованные положения, связанные с ответами на вопросы, формирующиеся в рамках проблемы смысла существования. В-третьих, результаты отечественных научных разработок в рамках проблемы смысла жизни могут быть реализованы не только в России, но и во всём мире.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2009.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. – Париж: YMCA-press, 1931.
3. Древнегреческая философия: от Платона до Аристотеля. – М.: АСТ, 1999.

УДК 159.922

Н.Т. Казакова

ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА НАУЧНОГО СОЗНАНИЯ: СООТНОШЕНИЕ ФИЛОСОФСКОГО И ЧАСТНОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В статье рассматривается проблема соизмеримости философского и частнонаучного знания, эксплицированная в онтогносеологической матрице научного сознания. Особое внимание обращается на обновляющуюся трансформацию презентации значения философии и философов в современной науке.

Ключевые слова: философия, наука, онтология, гносеология, эпистемология, знание, субъект познания, объект познания, картина мира, бытие, реальность.

N.T. Kazakova

ONTOLOGICAL AND GNOSEOLOGICAL MATRIX OF SCIENTIFIC CONSCIOUSNESS: RATIO OF PHILOSOPHICAL, PRIVATE AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE

The issue of commensurability of philosophical, private and scientific knowledge, which is expressed in the ontological and gnoseological matrix of scientific consciousness, is considered in the article. The special attention is given to the transformation of philosophy and philosopher value presentation, which is being updated in modern science.

Key words: philosophy, science, ontology, gnoseology, epistemology, knowledge, subject of knowledge, object of knowledge, world picture, existence, reality.

Современная практика (научная, теоретическая, педагогическая) существенно изменяет роль и место онтогносеологической матрицы научного сознания. И особое значение в этом пространстве принадлежит философскому знанию. В наши дни философия вновь позиционирует себя в качестве универсальной интеллектуальной практики, призванной усовершенствовать природу научного знания.

Основная идея этой статьи начала оформляться, пожалуй, в то время, когда философская общественность встревоженно обсуждала перспективу замены кандидатского экзамена по философии на экзамен по истории и философии науки [1, с. 54–76]. Сразу оговорюсь, что отношу себя к той категории философов, которые считают философию наукой, и поэтому я заняла более конструктивную позицию, нежели критика чиновников Министерства образования и науки за «диктаторский» метод введения нового кандидатского экзамена.

Справедливости ради следует сказать, что в таком отношении к философии виноваты мы сами, в том числе и я, поэтому исправлять ситуацию кроме нас и за нас никто не сможет, да и не будет. Дебаты по этому поводу не утихают и сегодня [2, с.53–62]. В этой связи следует отметить, что российское философское сообщество довольно неоднородно даже в простейшем отношении к собственной дисциплинарной матрице. Одни считают философию наукой, пусть даже с ее «особым» статусом, другие не признают за нею этого качества [3, с. 65–76].

Думаю, вышесказанное является достойным объяснением причины, побудившей меня – человека, профессионально занимающегося философией, – взяться за исследование этой фундаментальной проблемы. Кроме того, назрела потребность в обобщении опыта многолетней работы с аспирантами и студентами, занимающимися научно-исследовательской работой в различных областях частнонаучного знания: социально-гуманитарного, естественнонаучного, технического, о месте философии в подготовке специалистов негуманитарных научных профилей [4]. Да и нестационарное участие в дискуссиях о соотношении философии и научной рациональности сформировало свой, собственный, взгляд на эти вопросы [5].

Увы, но до сих пор серьезно дискутируется вопрос о месте философии в системе научного знания, о возможности или невозможности считать её наукой. Не меньшее беспокойство вызывают открытые призывы некоторой части философской аудитории отказаться от эссенциалистской стратегии философского вопрошания в пользу конкретных форм эзотерических и мистических духовных практик [6]. Соглашусь с такой постановкой вопроса, если проблема находится в дискуссионном пространстве любителей интеллектуальных, философских изысков, если же это методологическая позиция учёных-профессионалов, то я с ней не согласна. Я убеждена, что такой позиции нужно противодействовать, и в этой связи предлагаю обсудить несколько тезисов этой проблемы.

Первый тезис. Философское и частнонаучное знания являются не только взаимодополнительными, но и взаимопересекающимися областями научного познания. Философия только тогда чего-то стоит, когда она научная философия, а наука – если она «философичная». Основная тенденция, проявляющаяся в развитии гносеологических и онтологических проблем в истории философии, заключается в их теоретизации, в преобладании рационально-логического (понятийного) дискурса вопрошания над художественным (образным) дискурсом. Достаточно сравнить тексты Платона, Плотина, Декарта и сочинения Гегеля, Маркса, Фуко, чтобы понять эволюцию философии в сторону реализации рационально-теоретического способа философствования. Поэтому связь между философией и частными науками не утратилась вследствие их дифференциации, а приобрела диалектический характер. С другой стороны, если мы посмотрим на историю развития математических, естественных, технических, социальных и гуманитарных наук, то важнейшей тенденцией их развития является «философизация». Это выражается в насыщении научного пространства иррациональными и внерациональными формами знания, в выходе за пределы опыта и эксперимента в область «философских проектов» и «умозрительных конструкций», поэтического воображения и мистического озарения. Достаточно обратиться к научным текстам Исаака Ньютона, Альберта Эйнштейна, Константина Циолковского и других, чтобы согласиться с последним суждением.

Второй тезис. Эффективное познание особенностей и закономерностей становления и развития частнонаучного знания возможно только со стороны «включения» онтогносеологической матрицы познания. Философия как метафизика не исчерпывается банальным семантическим соответствием «после» физики, то есть того, что идёт после физики. Приставка «мета» имеет ещё такое значение, как «над», то есть над физикой, «до», то есть до физики. Следовательно, философия не утратила свою метанаучную способность и является вполне адекватным инструментом проникновения в сущность и существование такого сложного социокультурного феномена, каковым является наука. Другое дело, что философия должна усовершенствовать онтогносеологическую матрицу научного сознания, с тем, чтобы с её помощью частные науки могли более эффективно проникать в тайны мира.

Поэтому дискуссии, которые шли по этому вопросу в наших периодических научных изданиях, и инициировали мои размышления об онтогносеологическом модусе научного сознания, о месте и роли философии и людей, которые профессионально занимаются этими вопросами. Что бы ни говорили оппоненты философии, для меня ясно, что «ключевой» проблемой является онтогносеологическое измерение научного познания, причём как в классической, так и неклассической парадигме философии и других наук. Это тем более важно, поскольку каждый из нас (философ или физик) воспринимает и осмысливает мир в меру своих собственных когнитивных возможностей, как субъективных, так и объективных, и «...поскольку мы, – как писал М. Мерло-Понти, – пребываем в мире, поскольку наши размышления имеют место во временном потоке, который они (размышления – Н. К.) пытаются уловить, постольку нет такого мышления, которое бы охватывало всю нашу мысль» [7, с. 13].

Да и в самом мире нет ничего раз и навсегда данного. Поэтому сентенция Екклезиаста, что все подвержено изменению, не утратила своей непреложной нормативности и сегодня. Не являются исключением из этого правила и философия, и частные науки. Появляются новые формы организации знания, которые уже не подпадают под классическую диаду «фундаментальные исследования – прикладные исследования». Кроме того, полученные конкретными науками результаты трансформируются в процессе теоретического обобщения и начинают претендовать на статус предельного знания, что во все времена было прерогативой философии.

Не только в научном, но и в общественном сознании начинает формироваться ошибочное мнение, что конкретные науки якобы могут обойтись без философии. С другой стороны, понимание того, что вследствие отказа от философии научные исследования останутся принципиально «незавершенными», все-таки обусловило позитивное решение этой проблемы. Следует признать, что из зол, подстерегающих философию, такое является наименьшим. Тем более что печальный опыт «избавления» науки от философии в анналах российской истории имеется. Достаточно вспомнить указ Николая I о закрытии философского факультета в Московском университете в 1850 году. Почти сто лет понадобилось, чтобы осознать ошибочность этого решения, и философский факультет МГУ был восстановлен 25 декабря 1941 года. Знаменательная и много говорящая дата в истории нашего Отечества.

Философия уже неоднократно доказывала способность к адаптации в изменяющихся условиях бытия. Такая способность есть признак жизнеспособности любых систем, как материальных, так и духовных. И сегодня философия и философы вновь проходят историческое испытание на жизнеспособность. Думается, что философам, которые считают философию наукой, легче выдержать этот экзамен.

Если, скажем, пути поэзии и науки изначально противоположны, то философия может надеяться на то, чтобы достичь взаимодополнительности с другими науками, соединиться, как пара точно пригнанных деталей. Поэтому для определения онтогносеологического модуса большое значение имеет механизм обеспечения взаимодополнительности философии и частных наук. Их «игра», или «борьба», может породить различные как теоретические, так и практические коллизии, но онтогносеологическая матрица «...призвана сконструировать идеальный образ мира и идеальный способ существования в нем» [8, с.13].

Итак, предмет настоящего «разговора» настолько грандиозен в своей неохватной многомерности, что я представляю его исключительно в образе Вселенной. Однако это немаловажное обстоятельство не препятствует укоренившейся в сознании уверенности в возможности его презентации. К настоящему времени моими коллегами-учеными, работающими в конкретных областях научного знания, собрана богатейшая информация, отражающая эмпирические и теоретические научные факты природного и социального бытия, позволяющие раскрыть возможности онтогносеологической матрицы измерения соотношения философского и частнонаучного знания. В настоящее время моими коллегами-философами, работающими в разных областях философского знания, предпринимаются попытки онтогносеологического обобщения этих фактов. Часть этих важных вопросов поражает своим философским размахом, логической обоснованностью и теоретической корректностью аргументации, другая – требует серьезной систематической работы по осмыслению и критическому представлению онтогносеологического рефлексирования этих проблем.

Задача, которую я пытаюсь решить, как раз и состоит в том, чтобы, с одной стороны, подытожить успехи, сделанные на этом поприще моими товарищами по научному цеху, а с другой – осветить возникающие в ходе развития науки трудности, а также логические сложности и философские путаницы, возникающие в ходе освоения как эволюции закономерностей научного знания, так и методологии их изучения. В итоге философское и частнонаучное знание должно рассматриваться как два самостоятельных рациональных проекта бытия мира, дающих «синтетическую» картину мира.

Не могу сказать, что их взаимодействие было безоблачным и добрососедским всегда. Были периоды, когда естествознание как молодая, а следовательно, амбициозная форма духовно-практического опыта человечества пыталась не только лишиться философию короны «царицы наук», но и вообще вытеснить ее за пределы рационально-теоретического осмысления мира. Такие попытки предпринимались неоднократно, начиная с I половины XIX века, существуют они и поныне. Печальнее всего, что сами философы (точнее некоторые из имеющих ученую степень докторов философских наук) способствуют возрождению таких попыток. И все же тот факт, что философия в течение многих столетий с честью противостоит им, позволяет сделать заключение о ее жизнеспособности. Она с честью выдержала оборону крепости, которую справедливо можно назвать «департаментом» мысли. Перефразируя Гегеля, можно сказать, что философия есть сама эпоха, схваченная в мысли. И если миф есть образ мира, явленный в слове, религия – пророк мира, явленный в образе Бога, то философия есть созерцательно-теоретический проект мира, находящий концептуальную завершенность в мировоззренческой картине мира. Именно такая сущность философии позволяет

ей выступить в качестве «архитектора» онтогносеологической матрицы научного сознания, а следовательно, и теоретико-методологического фундамента частнонаучного знания.

Сегодня философия представляет собой сохранившийся через века, доживший до наших дней и используемый современные интеллектуальные средства импульс того самого первоначального античного «свободного поиска», не дифференцированного на узкие специализации области и не стесненного жестким методологическими рамками.

И философия, и другие науки всегда находятся в свободном интеллектуальном поиске, целью которого является истина или достоверное, точное, более или менее корректное познание мира. Поэтому сегодня нельзя быть философом и не заниматься философией науки. Сейчас вопрос об отношении к науке стал кардинальным вопросом онтогносеологических ориентаций и не только в дилемме «сциентизм–антисциентизм». Это важнейший мировоззренческий заказ. Однако неверно представлять, как это иногда бытует, что наука для философа – Галатеея, а он сам – Пигмалион. Философия, по крайней мере современная, не претендует на такой статус. Хотя справедливо и то, что как наука в целом, так и научная деятельность в отдельных, специализированных областях не может не только не взаимодействовать, но и обходиться без философии. Она, в буквальном смысле, пропитана философскими принципами и предположениями, методами и категориями. Этого не замечают только те, кто предубежден против философии, неверно понимая ее как спекулятивное, ничем не подкрепленное «умствование». Если бы так называемые критики философии «за лесом смогли увидеть деревья», то они бы поняли, что философ всегда апеллирует к рациональным основаниям, аргументирует свои утверждения в соответствии с логикой высказываний. Философские (метафизические) конструкции никогда не принимаются на веру, они подвергаются научной экспертизе и должны выдержать проверку концептуальной критикой.

Сегодня тенденция враждебного отношения к философии сохраняется лишь в среде ретроградов, тех ученых, которые и в своей-то области не преуспели и поэтому вынуждены приобретать «научные дивиденды» не за счет открытий в своей области, а за счет критики философии. Это арьергард науки, и можно было бы не говорить о них вовсе, если бы не их влияние на молодые умы.

К счастью, среди передовой части научного сообщества утвердилось понимание того, что общий метафизический (философский) фон является не только неустранимой, но и необходимой составляющей научного познания в целом и научной деятельности в частности.

Что же делает возможным функционирование онтогносеологической матрицы измерения соотношения философского и частнонаучного знания? То, что в современную эпоху философия и частные науки составляют теоретический фундамент такого важнейшего социокультурного феномена, как «картина мира», формирующегося в различных философских традициях, различных исторических типах научной рациональности (классической, неклассической, постнеклассической).

Разумеется, вовсе не обязательно, чтобы сказанное выше разделялось всем научным сообществом. Для меня важно другое: на каких бы позициях мы (философы, физики) ни стояли, всем нам предстоит осознать, что онтогносеологическая матрица оказывает мощное воздействие на объекты и субъекты научного познания. И этот вопрос требует дальнейших исследований.

Литература

1. *Порус В.Н.* К вопросу о междисциплинарности философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2005. – Т. IV. – № 2.
2. *Шохин В.К.* Философии родительного падежа и междисциплинарные исследования: возвращение к дискуссии // Эпистемология и философия науки. – 2010. – Т. XXIV. – № 4.
3. *Тульчинский Г.Л.* Философская культура и способы философствования // Философские науки. – 2011. – № 11.
4. *Казакова Н.Т.* Философия науки. – Красноярск, 2009.
5. *Казакова Н.Т.* Еще раз к вопросу о научной рациональности // Личность. Творчество и Современность: сб. науч. тр. – Красноярск, 2007. – Вып. 10.
6. *Хоружий С.С.* К феноменологии аскезы. – М., 1998.
7. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. – СПб., 1999.
8. *Гусейнов А.А.* Философия как утопия для культуры // Вопросы философии. – 2009. – № 1.